

Хрусталёва Анна Владимировна

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ "ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД" И "МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА"

В статье дается краткий очерк истории проблемы методологической терминологии литературной критики и указывается на возможности ее современного решения. Рассмотрены основные противоречия термина "литературно-критический метод", под которым чаще всего ошибочно понимают не собственно метод, а стиль критика. Подчеркивается значимость создания метадисциплинарной теории метода исследования текста, которая позволила бы суммировать накопленные знания в области разных научных дисциплин.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 138-142. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Стоит отметить, что при обучении аудированию, особенно на начальном этапе, следует избегать перевода, когда речь заходит о значении слов. Есть много вариантов объяснения значения слова. Это может быть картинка, ситуация, изложенная на французском языке.

При аудировании необходимо: 1) понять текст в целом; 2) выделить из прослушиваемого текста ответы на вопросы; 3) уметь делать короткие записи, выделяя нужную информацию [Ibidem, p. 21].

Только регулярная работа с аудиоматериалами под руководством преподавателя даст хорошие результаты.

Список литературы

1. **Cadre européen commun de référence pour les langues** / Conseil de la Coopération culturelle, Comité de l'éducation, Division des langues vivantes. Strasbourg: Didier, 2001. 192 p.
2. **Dupoux B., Havard A.-M.** Reussir le DELF. Paris, 2006. 175 p.

FOREIGN LANGUAGE IN GENERAL EUROPEAN COMPETENCIES FORMAT: AUDING

Larisa Mikhailovna Spynu, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Foreign Languages
Faculty of Classical and Social Sciences
People's Friendship University of Russia in Moscow
lorance@rambler.ru

The article is devoted to auding as one of four competencies, which must be mastered during a foreign language learning process. The author analyzes the peculiarities of the technique of students training for auding, singles out the basic features of the texts for auding depending on students' level and names the necessary preparatory stages facilitating further text understanding.

Key words and phrases: competence; foreign language; auding; level; lexical field; heard text understanding.

УДК 821.161.1

В статье дается краткий очерк истории проблемы методологической терминологии литературной критики и указывается на возможности ее современного решения. Рассмотрены основные противоречия термина «литературно-критический метод», под которым чаще всего ошибочно понимают не собственно метод, а стиль критика. Подчеркивается значимость создания метадисциплинарной теории метода исследования текста, которая позволила бы суммировать накопленные знания в области разных научных дисциплин.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; метод в литературной критике; «метод» как термин; метод интерпретации текста; метадисциплинарная теория.

Анна Владимировна Хрусталёва, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков

Саратовский государственный социально-экономический университет

tevlin1982@mail.ru

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ
«ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД» И «МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА»[©]**

В то время как методологическое учение науки о литературе сохраняет ряд недостатков, отмеченных чуть ли не сто лет назад [11], особенно остро внутренние теоретические противоречия сказываются в «подведомственной» литературоведению области литературной критики, где методу то вообще отказывают в существовании, то производят безмерное расширение границ определения, в результате чего данной терминологической единицей начинают обозначать и мировоззрение критика, и систему его жизненных установок, и едва ли не совокупность художественных приемов.

Логично предположить, что поскольку критика художественного текста - по своей сути интерпретация, она содержит особый алгоритм, то есть специфическую систему приемов интерпретирования, воспроизводимые схемы работы с текстом, передаваемые путем традиции. Теория метода нужна для изучения подобных типических приемов работы с художественным произведением. Что же собственно представляет собой метод анализа литературного произведения в критике? Как создать оптимальную его теорию, которая окажется полезна науке, прочно связывая накопленный пласт уже отрефлексированного научным сознанием материала с современным состоянием предмета изучения, не вызывая при этом противоречий между монографиями по истории критики и «всей громадно несущейся жизнью»? Пытаясь подойти к ответу на этот вопрос, попробуем отсечь в понимании метода все лишнее.

Ошибочной следует назвать синкретическую традицию, когда в качестве явлений методологического порядка рассматривается то, что по праву принадлежит сфере стиля и поэтики. Ясно, что метод литературного критика есть величина **исследовательского** характера, в то время как стиль имеет отношение к **литературным** достоинствам: отождествлять данные две сферы нельзя. В сфере художественного творчества никакого метода быть не может: вряд ли правильно применять в данном случае правила «алгебры» к «гармонии» [5]. Использование, например, В. Розановым конкретной риторической единицы, допустим, литоты - не есть следствие его метода, а только одно конкретное словоупотребление, которое ничего не доказывает и не опровергает. С тем же успехом той же самой литотой мог воспользоваться Г. Плеханов или современный критик Р. Арбитман, из чего абсурдно делать вывод о методологическом родстве. Зачем нужна теория метода, сконцентрированная на применении критиками эпитетов и метафор, приема парцелляции и неологизмов, если для этого существует раздел филологического знания под названием «поэтика»?

Предвидим возражение: отделение метода в литературной критике от литературно-критического стиля крайне трудно, такая задача якобы ведет нас в «топь» схоластики, поскольку она сопоставима с разграничением формы и содержания, а о том, что любое содержание - элемент формы, писал еще В. Шкловский. Однако эта задача кажется посильной в той степени, в какой возможно отделить логику от риторики, алгоритм рассуждения от модели построения текста.

Содержательной стороной произведения, противопоставленной формальным атрибутам, обычно называют то, что не осознается ни автором, ни его читателями, находящимися под воздействием определенных культурных стереотипов, в качестве искусства, его специфических приемов. Понимание текста идет через отграничение выразительных средств «грамматики» литературы, ее правил и условностей от того, что мы считаем реальностью. Проще говоря, никакая интерпретация художественного произведения не была бы возможна, если бы в человеческом сознании не существовало противопоставление «искусственного» и «реального», норм литературы и норм жизни. Автор сталкивается, таким образом, с неравноправными отношениями внешней формы сказанного и внутреннего содержания, словесного выражения и подлинной сути текста, где содержательная сторона в силу понятной причины занимает жестко подчиненное положение - смысл не существует вне знака.

Литературоведению, для создания последовательной теории метода применительно к аналитическим жанрам рассуждения о литературе (критическим, публицистическим), следует обратиться к пласту идейного содержания статьи и вычленив в нем мельчайший неделимый элемент, который не распадается на «частицы» осознаваемых самим автором творческих приемов, цель которых - художественный эффект. Поскольку главное в критике - все-таки *идея*, то искать некий алгоритм создания литературно-критического высказывания мы должны, прежде всего, в развитии определенной идеи.

Сомневаться в наличии метода можно до тех пор, пока он генетически связан со сферой художественного. Так, у скептика может вызвать усмешку так называемый биографический метод литературоведения, но никто еще пока всерьез не доказал, что в основе стиховедения Гаспарова лежит не научный метод, а художественное мастерство. Исходя из позиций логики, методом исследования художественного текста может быть тот инструмент, который применим к литературе, но органически с нею не связан. Изучать литературу только с помощью ее собственных средств абсурдно в той же степени, как забивать гвоздь гвоздем.

Вполне рациональной операцией автору этих строк представляется отграничение основного мотива написания статьи в качестве некоего «неделимого ядра», имеющего отношение к плану содержательных характеристик статьи, но не к оболочке художественных средств. В. Шкловский пишет о литературном произведении: «Название одной из повестей Ф. Достоевского «Честный вор» - есть несомненный оксюморон, но и содержание этой повести есть такой же оксюморон, развернутый в сюжет». Если признать, что в художественном произведении формальный прием пронизывает собой всю структуру целого, то у самых истоков литературно-критической статьи окажется некий «запрос» критика, не связанный с пространством художественного мира. Приходится допустить, что побудительным мотивом, толкающим автора на путь литературной критики, может стать явление психологического характера - желание славы и самоутверждения, например, или, допустим, желание доказать фальсификацию фактов тем или иным писателем. В последнем случае вся критическая интерпретация примет верификационный характер: она будет направлена на решение вопроса о том, происходили ли события, описанные анализируемым автором, в действительности.

Поиск фактов, их верификация, специфические гносеологические искажения интерпретируемого текста - все это не может быть на законных основаниях отнесено в область художественных приемов - это именно один из принципов, входящих в состав *метода* исследования или интерпретации (гуманитарное исследование = интерпретация). Принцип отождествления автора и повествователя (лирического героя), примененный психологической школой русского литературоведения и отдельными критиками, ей сочувствовавшими, не связан с поэтикой художественного текста таким же образом, как глава из учебника по криминалистике не связана с детективом. Современная наука различает текст-ментатив и текст-нарратив. Надо полагать, что теория метода должна интересоваться только ментативом. В поле нарратива метода нет, но есть коммуникативная стратегия, подверженная слишком большому жанровому влиянию, и в теории метода она должна занимать *подчиненное* положение.

Отсюда следует, что разговор о методе гуманитарного исследования текста следует начинать с определения основной поисковой установки, с которой это исследование проводится. Иными словами, мы недостаточно глубоко понимаем статьи В. Белинского, если не владеем информацией о контексте формирования его

читательского вкуса, биографическими и психологическими подробностями становления его личности и знанием о тех внелитературных причинах, которые собственно побудили знаменитого автора заниматься критикой. Выбор конкретного подхода работы с текстом как источником информации, осуществляемый сознательно или подсознательно (в данном контексте не будем выяснять характер выбора), происходит уже на уровне психотипа критика.

Таким образом, термин «литературно-критический метод», с помощью которого литературоведение пыталось объять необъятное, устарел и потерял научное значение. Нет более необходимости собирать разрозненные явления в огромный конгломерат. Всякому исследователю очевидно, что существует аналитическая переработка информации, предшествующая написанию статьи, и есть отдельно от нее алгоритм, которого критик будет придерживаться при работе с письменным оформлением своей идеи. «Мозговой штурм», предвавший создание литературно-критического текста, а также вся совокупность эмоциональных реакций, вызванных художественным произведением в дорефлективный период работы, не могут и не должны смешиваться с непосредственным процессом творчества - созданием критической статьи.

Арена для жонглирования термином «метод» существует давно, но необычно популярной стала в первой трети двадцатого века, когда представители РАПП выступили со своей креатурой «метод диалектического материализма», в 1934 году официально замененной термином «социалистический реализм». Основной задачей того времени было убедительно доказать наличие общности классовых, теоретических, идейных позиций писателей, однонаправленный вектор их участия в общественной борьбе. Только инерционностью теоретического мышления можно объяснить тот факт, что подобное слишком общее и «идеологически-коллективное» понимание метода, смешивающее явления эстетического и логико-понятийного порядка до сих пор не изжито в литературной критике.

Еще советское литературоведение прекрасно понимало недостаточную проработку терминологии. Так, в 1960 году Л. И. Тимофеев предлагал убрать реализм как принцип отражения действительности из понятия «творческий метод»: «Мы соотносим художников не по отвлеченным общим принципам их подхода к действительности (реализм и т.п.), а по конкретным, исторически обусловленным творческим их тенденциям (идеалы, типы героя и т.п.). Вот эти строго исторически обусловленные и единые для ряда близких друг другу художников творческие принципы мы и рассматриваем как художественный метод» [10, с. 45]. Приведенное высказывание Тимофеева относится к области художественного, но и в нашем контексте оно информативно, поскольку показывает понимание ученым того, что принципы писателя не сводятся к манифесту литературного направления, в рамках которого он (якобы) работает. Следует на новом этапе развития литературоведения вернуться к глубокой мысли Тимофеева - нельзя укладывать теорию метода в прокрустово ложе эстетических и культурологических манифестов литературных направлений, группировок, объединений, вне зависимости от их названий - соцреализм или концептуализм.

Метод должен обозначать действие - сопоставление, сличение, изъятие, раскрытие, преобразование. Его не следует воспринимать исключительно в рамках результатов и итоговой формы литературно-критической статьи на тех же основаниях, на каких разделяются в научном дискурсе явления разного уровня - язык и речь, общий психотип и поведение конкретного индивида. Если представить человека, сопоставляющего различные объекты по параметрам размера или цвета, то метод можно искать в самой этой деятельности, но не в свойствах человека, его характере и антропоморфических характеристиках, и, тем более, не в том итоговом выводе, которым проведенная работа увенчалась. Единственной подлинно научной теорией может быть только **метадисциплинарная**, общегуманитарная теория метода интерпретации текста, лишенная персонификации и дробления по недостаточно четким критериям («метод Розанова», «метод символистов» и прочие абстракции).

Совершенно очевидно, что пытаясь дать точное определение интересующему нас термину, мы обязаны убрать из сферы своего рассмотрения все элементы, не обнаруживающие признаков системы, обладающие недостаточной повторяемостью и воспроизводимостью, так как в противном случае многообразие явлений, взятое, например, на протяжении одной только первой трети XX века, воспрепятствует любой типологии. Как только мы включаем в сферу метода явления эстетики и стилистики, начинается полнейшая энтропия - имеем в виду, в том числе, несоответствие ранних и финальных статей критиков, допустим, М. О. Гершензона, восхищавшегося в свое время рассказом писателя-народника Г. А. Мачтета «Первый гонорар», где патетически изложена встреча автора с Некрасовым, а позднее в знаменитом «Памятнике» высмеявшего идею общественной пользы поэзии. Методом может называться только система, воспроизводимая последовательно.

Итогом активной полемики 1970-1980-х годов [7; 8], охватившей центральные и региональные научные школы, стало утверждение тезиса об особой роли литературной критики как вида интерпретации текста, состоящего в близком родстве и с научной деятельностью [9, с. 15-51], и со сферой художественного творчества [1], но не сводимого ни к одному из этих разных доменов познания мира. В качестве примиряющего разные стороны тезиса возобладало положение о том, что критика антиномична по своей сути и двуедина. Безусловно, подобная синтетическая позиция хороша во многих отношениях, но легко заметить, что за этой «удобной» двойственностью скрывается «неудобный» вопрос первостепенной важности - в чем же принципиальное отличие метода, применяемого литературным критиком, от метода литературоведения. Никакой разницы в алгоритме анализа в данном случае нет: все различия лежат в сфере аргументации.

Проблема не была решена и на закате советского литературоведения - вплоть до конца 1980-х годов, что видно из большого количества статей с соответствующими названиями [6]. М. Г. Зельдович в свое время

заметил по поводу Добролюбова, делая широкие обобщения о жанровой природе критики: «Разумеется, в каждом отдельном случае может главенствовать та или иная установка, или сочетание некоторых из них, и это тоже по-своему сказывается и на выборе, и на самой структуре, внутренней целеустремленности жанра. Так, очевидно, что в статьях-исследованиях Добролюбова особенно *активизировано* (*курсив мой - А. Х.*) такое двуединство, как метод писателя и методология критика...» [3, с. 91].

Из этого утверждения, особенно если его рассмотреть в более широком контексте цитируемой статьи, не ясно, что означает активизация метода. Приходится высказать предположение, что здесь должна работать аристотелева логика исключения третьего: метод не выходит, активизируясь, на авансцену, как не скрывается и «за кулисами», он либо есть, либо его нет.

Для решительного и бесповоротного отделения литературоведения от литературной критики по принципу «научности» никаких серьезных оснований не существует. Поле науки постоянно смещается. Если уместно привести аналогию из медицины, то тот способ, которым приходилось лечить дифтерит главному герою произведения В. Вересаева «Записки врача», абсолютно не научен для медицины сегодняшнего дня. Точно таким же образом для филологов XXII века труд по истории критики 1958 года будет только одним из цитируемых источников [4], но не флагманом передового знания, придется допустить и возможность того, что со временем его признают лежащим вне науки. Когда разграничивают литературную критику и литературоведение ретроспективно, имеют в виду не «объективность» и «научность» в подлинном смысле этих слов, а конкретную редакционно-издательскую платформу и организационную структуру работы, продиктованную исторически обусловленными нормами композиционного и стилистического оформления материала. Отделение литературной критики от литературоведения субъективно на любом историческом этапе.

Единственно возможным преодолением хаоса в дальнейшем теоретизировании по данному вопросу является признание того факта, что термин «литературно-критический метод» является своеобразным «флогистон» литературоведения, заблуждением, подлежащим списанию в архив. Гораздо более логичным является употребление термина «метод интерпретации текста», давно ставшего нормой зарубежного литературоведения. При использовании новой терминологической единицы отпадает необходимость в долгом аргументировании принадлежности того или иного труда к сфере критики или литературоведения.

Высказанное положение о необходимости использования новой единицы тривиально, оно не нуждается ни в защите, ни в обосновании. Приходится констатировать, что до сих пор в печати имеет некоторое хождение старый термин «литературно-критический метод», востребованный только в условиях «социалистического» литературоведения, и именно это использование устаревшей единицы вынуждает автора занимать время читателя.

Есть много новых работ по теории метода. Ю. А. Говорухина, намечая современные пути осмысления критической деятельности, делая акцент на коммуникативной составляющей критики, отмечает, что необходимо рассматривать не только процесс продуцирования текста, но и незаслуженно обделенную вниманием ситуацию коммуникативного контекста, предшествующую стадии письма, связанную с такими факторами как национально-культурные нормы критика, его тип мышления, профессиональный и социальный статус, уровень языковой компетенции. Отделяя сам акт интерпретации от продуцирования текста, функцией скрепляющего стержня исследователь наделяет установку на читателя: «Установка на адресата, на прагматический коммуникативный акт... является именно структурообразующим основанием, детерминантом... поскольку содержательно проявляется на всех уровнях критической деятельности. Кроме того, ориентация на тот или иной тип аудитории определяет целеполагание, а также жанр, стиль, метод интерпретации <...> Как только мы включим в представление о методе фигуру читателя, категория метода как метода познания оказывается содержательно недостаточной для той обширной области ненаукообразных критических текстов, для которых характерна не аналитическая, а прагматическая авторская установка. Ведущей деятельностью в данном случае будет не познавательная, или не столько познавательная, сколько коммуникативно-ориентированная» [2, с. 201].

Признавая правоту современного ученого во многих положениях, приходится заметить, что налицо снова недостатки теории. Несомненно, пока идет речь о современной критике, обнаруживающей достаточно четкую читательскую адресацию, мы применим разработки Говорухиной, но как быть, если придется вести речь о методе научно-ориентированной публицистики, эссеистики, философской критики прошлых эпох, о статьях, к примеру, С. Франка, посвященных отечественной и мировой литературе? Значит ли это, что у нас должна быть отдельная теория метода для литературной критики, которая железным занавесом будет отделена ото всех остальных «методов»?

Если так, то возникает вопрос, - на каких собственно основаниях к В. Соловьеву и его плеяде мы будем применять один теоретический аппарат, к И. Золотусскому - другой, а к Р. Арбитману - третий? Ведь все указанные нами неравнозначные фигуры во главу угла ставят один и тот же объект - художественный текст. Поскольку существует большое количество работ, которые не атрибутированы наукой никак - ни в качестве критики, ни в качестве литературоведения, а также учитывая огромный раздел материала, по поводу которого ведутся споры, приходится заключить, что отдельная теория метода для критики - непозволительная роскошь.

Указав на один недостаток советского литературоведения, надо признать фундаментальность теоретических разработок отечественной науки по многим вопросам. Современная теория метода пойдет ошибочным путем, если ее создатели провозгласят лозунг «не льют вина нового в мехи старые». Следует объединить то, что уже известно в области приемов литературного анализа, текстологии, с новейшими достижениями

естественных наук, психологии и психолингвистики, социологии, и, конкретно говоря, с наработками в области рецептивной направленности критики в составе макродискурса, на которых мы остановились чуть подробнее. Но в результате объединенных знаний появится не конгломерат, как уже было сказано, а изначально разные системы - отдельно развитая теория *метода интерпретации* текста, задействующая аналитические способности человеческого мозга, которые мало подвержены изменению во времени, и теория, изучающая постоянно меняющиеся формы взаимодействия с читателем, риторико-коммуникативные стратегии, характеризующие литературное направление, редакционно-издательскую политику журналов, весь спектр социально-политических и экономических явлений жизни общества.

Список литературы

1. Бурсов Б. И. Критика как литература // Современная литературно-художественная критика: актуальные проблемы. Л.: Наука, 1975.
2. Говорухина Ю. А. Структура литературно-критической деятельности // Критика и семиотика. 2009. № 13. С. 193-203.
3. Зельдович М. Г. Программность критики и критические жанры // Русская литературная критика: история и теория. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. С. 91.
4. История русской критики. М. - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
5. Лармин О. В. Художественный метод и стиль. М., 1964.
6. Николаев П. А. Снова о методе и стиле: устойчивы ли эти категории в науке? // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1984. № 5.
7. Проблемы теории литературной критики / сб. ст. под ред. П. А. Николаева и Л. В. Чернец. М.: Изд-во МГУ, 1980.
8. Русская литературная критика: история и теория. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988.
9. Суровцев Ю. И. О научно-публицистической природе критики // Современная литературная критика: вопросы теории и методологии. М.: Наука, 1977. С. 15-51.
10. Тимофеев Л. И. О понятии художественного метода // Творческий метод. М., 1960.
11. Цейтлин А. Проблемы современного литературоведения // Родной язык в школе. 1925. № 8.

**ABOUT THE POSSIBILITIES OF THE FURTHER USE OF THE TERMS
“LITERARY-CRITICAL METHOD” AND “TEXT INTERPRETATION METHOD”**

*Anna Vladimirovna Khrustaleva, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
Saratov State Social-Economic University
tevlin1982@mail.ru*

The author presents the brief review of literary criticism methodological terminology problem history, emphasizes the possibilities of its modern solution, considers the basic contradictions of the term “literary-critical method”, which is as often as not mistakenly understood not as a method itself but as a critic’s style, and pays special attention to the importance of text research method meta-disciplinary theory creation, which would allow to sum up the accumulated knowledge in different scientific disciplines spheres.

Key words and phrases: literary criticism; method in literary criticism; “method” as a term; text interpretation method; meta-disciplinary theory.

УДК 378.147:811.161.1(574)

Статья посвящена особенностям технической терминологии и ее роли при обучении студентов языку специальности. Терминообразование - это сложный процесс, во многом зависящий от специфики словообразования. Авторы справедливо отмечают, что научный стиль речи - это база, которая закладывает основы языка будущей специальности.

Ключевые слова и фразы: термины; технические термины; словообразование; научный стиль; профессионально-языковая компетентность.

Лидия Александровна Чуйкина, к. пед. н., доцент
Татьяна Владимировна Тимохина
*Кафедра русского языка и культуры
Карагандинский государственный технический университет, Казахстан
tanushatv16@mail.ru*

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРМИНОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ[©]

Известно, что язык - не просто средство коммуникации, а основной признак этнической самоидентификации. Это язык этноса, к которому причисляет себя человек. Основным критерием оптимального протекания